

Д.: Особенно, вы знаете, удивляет непредсказуемость последствий.

К.: Понимаю. это исторический момент. Я вспоминаю слова Пушкина: "Счастливы, кто посетил сей мир в его минуты роковые".

Д.: Да. ↩

Нет, действительно, может быть, это сентиментальные слова, но я и на съезде сказал, что я счастлив, что я захватил тот участок истории, в котором мне приходится сейчас жить и работать. На самом деле так. Не знаю, что у нас в конечном счете получится.

К.: Такой момент, *когда все висит.*

Д.: Этот год у нас очень наступающий. Вот буквально эти месяцы и следующий год до половины, если мы его выдержим.

К.: Самый деликатный момент сейчас.

Д.: Если выдержим, то, я думаю, мы выдержим и дальше.

К.: Надеюсь, что мой визит Вас не обременяет.

Д.: Нет, нет, нет. Нет, нет.

К.: Могу себе представить, что Вы очень заняты.

Д.: Да, вы знаете, уже пять лет, я уже привык к этому. Я вчера разговаривал с Михаилом Сергеевичем и сказал, что завтра я с Вами встречаюсь. Он просил Вам привет передавать. Самые добрые пожелания. Я попросился у него съездить в Канаду. Не отпустил. В январе, говорит, в январе. Очень трудный участок, эти три месяца с лишним. Пиши, говорит. Кстати, надо будет написать письмо советнику посланника, пригласить, съездить в январе. Там один университет в Канаде присвоил мне звание почетного доктора права.

К.: Жаль, что Вы не можете приехать.

Д.: Да, очень жалко. ↩

Вы, господин Кеннан, сама история ведь, а не просто господин Кеннан. Особенно с точки зрения советско-американских отношений. Я вот ими занимался, ну, не всю жизнь, но с аспирантуры, с академии общественных наук. Так, честно говоря, не понял действительные закономерности, действительные

закономерности, действительные причины вот всех этих зигзагов с той и с другой стороны, которые происходили в этих отношениях сначала в период до 1933го года, потом, значит, Рузвельт, война.

К.: Несколько раз.

Д.: Да, да. Холодная война, потом какие-то признаки кратковременных потеплений. И потом, вот сейчас, как снег на голову, новая эпоха. Новая эпоха. Я, конечно, хорошо знаю Вашу статью "Икс" и, грешен, критиковал ее, критиковал.

К.: Ха-ха. Я сам не написал бы сегодня такую же статью, но это было сорок лет тому назад.

Д.: Я если бы сейчас писал, то таких книжек бы не написал о Соединенных Штатах Америки, я бы ^(как-то) выбросил просто. Если мне сейчас кто-то предложит переиздать, я откажусь. Хотя вроде бы все-там на месте, цитаты правильные, но чего-то нет такого главного, чтобы было правдой. Вот в чем дело.

К.: Да, это то же самое у всех у нас. И так должно быть. Потому что если бы мы то же самое писали сегодня, как двадцать лет тому назад, это бы значило, что мы ничему не научились.

Д.: Да, и что жизнь остановилась. Хотя я Вам должен сказать, хоть Вы и говорите, что не написали бы ту статью так, как написали ее тогда, все-таки, если смотреть сегодняшними глазами на нее, там было много правды.

К.: В конце было много правды. Конечно, это относилось к самому тяжелому проявлению Сталина и было с нашей стороны, я был здесь во время чисток в 30е годы, и опять во время войны, и было у нас известное разочарование и отчаяние о советско-американских отношениях. Вы понимаете, мы очень мало могли надеяться. Это теперешнее время мы предвидеть не могли.

Д.: Вы знаете, и мы тоже. Причем не могли предвидеть, как говорят, дважды. Во-первых, что оно наступит в принципе, сейчас, в это время, и во-вторых, что события пойдут столь быстро.

К.: Вот это меня удивляло. Я тоже думал десять лет тому назад, что придет такое время как сейчас, но не так быстро.

Д.: Но в то же время, и в этом, наверно, вся сложность,

Д: Ну тут, конечно, многие факторы сыграли свою роль. Меня до сих пор удивляет то, что в общем сразу после войны, и у нас есть соответствующие документы на этот счет, решение государственного комитета обороны по сокращению армии на много миллионов сразу после войны. Теперь решение совета обороны и политбюро, чтобы предотвратить какое-либо насаждение в странах Восточной Европы советской модели жизни. Но все пошло не так. Наступил там 1948й, 49й год, везде начались государственные фактические перевороты.

В: Да, это ждет своего историка.

Д: Да, да, да.

В: И у меня такое впечатление, что очень плохую роль играл во всем этом, как его бишь, начальник КГБ, НКВД, как его?

Д: Берия.

В: Да, что его влияние гораздо больше, чем думают в это время. И особенно в Восточной Европе. Потому что эти режимы от него зависели. Гораздо больше, чем от Наркомдел или министра иностранных дел. Много об этом скоро, я думаю, будет написано, понято.

Д: Ну, знаете, надо отдать должное Хрущеву, что он проявил огромное мужество вот в этом деле с Берией. Это все-таки его заслуга. Он еще не обладал в то время такой властью, как потом. Председателем СМ был Маленков. Тогда была тенденция перегруппировки власти и такая тенденция, что она должна была сосредоточиваться, как при Ленине, в Совмине. И Хрущев был 1м секретарем Политбюро ЦК, и вот он тогда поставил вопрос о Берии. Для этого надо было мужество. Он рисковал своей жизнью. Это ясно. И все-таки он настоял, у него достало мужества, и Берия был убран с политической арены. Я думаю, что если бы этого не было сделано, нашу страну ожидала бы печальная участь, особенно если учесть, что субъективный фактор в нашей истории играл огромную роль.

В: Знаете, я был здесь по окончании войны в Европе, в последние месяцы окончания мировой войны, и у меня впечатление, что народ здесь у Вас ждал чего-то совсем другого, ^{еще} что на самом деле вышло, и что это большое и трагическое разочарование наступило. Думали, что будет кое-что подобное, что сегодня существует, что власть будет более нормальная. Отношения между народом и

правительством... И это без изменений. Продолжалась жизнь.

Д.: Да, тут я мог бы согласиться с Вами, но с поправкой с определенной. И знаете какой? Мы сейчас страдаем, не только тогда, от того, что народ наш, будучи в общем-то ну, согнутым что ли, пришибленным, политически согнутым, пришибленным, не очень-то был готов к демократическим изменениям, и сейчас не очень готов. На словах - да, а вот когда доходит до практических дел, то здесь наступает тоска по железным порядкам или по доброму царю. Тем более это было после Хрущева. Вот сейчас иногда упрекают Горбачева в том, что он не принимает решительных мер. Вот там, дескать, стреляют, воют, а он решительных мер не принимает. Но вот Хрущев-то принимал. Он применял оружие 16 раз. Это были атаки на МВД в Александрии, Муроме, Новочеркасске, в городе Шевченко в Казахстане и в других городах. Эти вспышки гнева, что ли, народного, конечно, отражали недостаток воспитания и политической культуры, и все такое, и нетерпимость и нетерпеливость, нежелание ждать, но как всегда к этому примешивались люмпенские элементы, которым хочется все разрушать и больше ничего не делать. Распределять, но не создавать. И вот он применил оружие несколько раз. И что из этого получилось? Страна откатилась опять назад. И с этой точки зрения то, что наступило безвременье и эпоха Брежнева, это логично. Она началась в общем-то с конца правления Хрущева, он дал в конце своего правления вот этот старт развития истории. И Брежнев логично вышел из той уже болотистой такой почвы, которая образовывалась во второй половине правления Хрущева. И все-таки причины этого не только в субъективных способностях или чертах Хрущева. Да, он был человеком недостаточно грамотным.

К.: Недостаточно?

Д.: Недостаточно грамотный. Но это был человек одаренный, где-то природой одаренный, талантливый человек.

К.: И главное - то, что он верил в полезность коммуникации между людьми. Когда приезжали американские видные личности, он готов был целую ночь с ними разговаривать, он верил в свое дело здесь, верил в коммунизм, как он его понял, и рад был с другими обменяться мнениями. Этого мы не нашли у других ни в 30е годы, ни в 40е, ни в 50е.

Д.: Да.

К.: Но перед тем как продолжить, я бы хотел ... сказать. Я рад вести по возможности, по силам разговор по-русски, но язык меня заржавел немного. Сорок лет я не говорил по-русски.

Д.: Хм. Вы прекрасно говорите.

К.: Я знаю язык. Но все-таки трудно мне иногда слушать. Это от старости. Если люди слишком быстро говорят, я это замечаю. Они быстрее говорят, чем в старое время.

Д.: Сейчас все быстрее говорят.

К.: Я хотел бы Вам предлагать, чтобы было два протокола нашей беседы, если это снимается... Один по-русски, другой по-английски, и после чтобы мы проверяли две версии и, я надеюсь, Вы меня извините, если я иногда перейду к английскому.

Д.: Пожалуйста. ←

Давайте так сделаем. Мы это запишем с Вами наш разговор, дадим на перевод, пришлем Вам.

К.: Если я иногда буду говорить по-английски, то же самое перевод нужен.

Д.: Да, да. На двух языках. Вы посмотрите, сделаете любые поправки в свой текст, какие Вы сочтете нужным. Я думаю, будут полезны любые вставки. За письменным столом иногда мысли приходят хорошие. И я то же самое сделаю. Это Вы увидите в тексте, и тогда общий и будет текст.

К.: Тогда если я не все пойму, я попрошу помощи, и если мне нужно будет по-английски выразиться, я иногда буду.

Д.: Вы знаете, меня интересует один вопрос, который я для себя считаю, каким-то, какой-то нравственной болью незаживающей. Это я вот был несколько лет, да и сейчас с меня никто не снял этих обязанностей, это председателем реабилитационной комиссии, комиссии по реабилитации невинно осужденных в 30е-40е-50е годы. За время работы наша комиссия, которую я возглавлял, сняла пятно, так сказать, с одного миллиона осужденных.

↑ ↑
Недавно издан указ вообще реабилитировать и восстановить в правах всех осужденных по политическим мотивам.

↑

↑

такого-то надо остерегаться, все, спасти этого человека бфло уже невозможно. Мне это рассказывала его дочь, но мы и сами это видели. Гораздо более нормально он вел себя с людьми, которые не заявляли о своей приверженности к нему. С Рузвельтом и Черчиллем, они им восхищались. Насколько я понимаю, он бал человеком тихим и чувственным. Люди, которые не были частью движения, не пробуждали аномальные черты его личности.

Возможно, если Вы разрешите мне продолжить эту тему, отчасти это объясняется ощущением неполноценности. Все началось с его ощущения собственной неполноценности в отношениях с людьми из ленинского окружения, с его главными соратниками. То были прекрасно образованные люди, яркие личности, в большинстве своем. В то время, в конце двадцатых - начале тридцатых я, помню, часто говорил своим коллегам, что это московское Политбюро - самое образованное правительство в Европе. И они, некоторые из этих людей, спокойно работали с ним. Многие из них были прекрасно образованы, жили за границей, знали иностранные языки. У Сталина ничего этого не было. И он прекрасно сознавал свою ограниченность и очень переживал по этому поводу. Проявлялось это по-разному, причем это чувство никогда не покидало его. Все эти чистки и зверства по сути начались с его попыток уничтожить в советском окружении всех тех, кого он мог заподозрить в преклонении перед Лениным и в меньшем преклонении перед своей персоной. Он был легко ранимым человеком, человеком, у которого ... который, как это ни странно, обладал великими способностями и страшно переживал по поводу своей ограниченности. Он не хотел признавать эту ограниченность, не хотел говорить о ней.

Я думаю, именно из-за той борьбы, которую он начал, чтобы уничтожить соратников Ленина, людей из своего окружения, он потерял чувство меры. Он начал расставаться с этими людьми, и это у него, как бы, вошло в привычку, и естественно, все это он перенес и на коллективизацию, и это ужасно. Мне трудно понять, как же он не видел, какой вред он наносит деревне! Перенес он все это и на партию, и в этом-то все и дело ...

Хрущев обвинял их во всех разговорах о других, в том, что они состояли в антипартийных группировках. Но истинной антипартийной силой был Сталин. Он боялся партии. С самого начала это была не его партия, а Ленина. Он всегда подозревал их в том, что они смеются за его спиной, что сроят заговоры, чтобы сместить его. И все его страхи были преувеличены. Все это я могу понять. Но позднее, примерно после 1935-1936 года, здесь началась лихорадка павальных доносов. Многие и многие

люди доносили на других, потому что считали, что это единственный путь спастись самим. Толкнуть людей на это - это ужасно. Вы понимаете, что я имею в виду?

Началась истерия страха, тысячи и тысячи людей сали жертвами наветов других людей, которые знали, что на самом деле те, на кого они доносили невиновны. Террор полностью деморализовал народ. Признаюсь, я не могу всего этого понять, даже после того, как я прочел весьма познвательную книгу дочери [Сталина]. Я не могу понять, почему Сталин позволил этому так долго продолжаться.

Никакой выгоды ему это не принесло. Это ослабило армию, причем в то время, когда сам он не исключал возможность войны. И не смотря ни на что, он не смог остановить всего этого до 1938:1939 года. Теперь это уже превратилось в настоящее эмоциональное извращение в его сознании. Вот все, что я могу Вам сказать. Все дело в чрезмерной подозрительности. Чтобы разбудить его подозрительность потребовалась самая малость. Кто-то что-то сказал, и все, конец.

С другой стороны, конечно, нужно учитывать, что он обладал невероятной способностью взять человека под колпак и докопаться до всего, что происходит в его сознании. И во многих случаях это действительно происходило в сознании этих людей, и он знал это. Никогда не забуду, что сказал о нем Хрущев, по-моему, на XIV [XX?] съезде. Он рассказывал, как однажды зашел в кабинет [Сталина] и тот спросил его: "Что это у тебя глаза бегают? Что у тебя на уме?"

Он тут же понял, что что-то происходит, он обладал потрясающей способностью заглянуть внутрь человека, при этом он видел только плохую сторону, хорошую он увидеть не мог. Они все еще боялись его. Если ты скрываешь что-то недоброе, он мог увидеть это. Но он не мог ничего увидеть, если кто-то ему говорил.

Вот только так я могу ответить. Это были ужасные мысли, потому что они несправедливо погубили миллионы людей, прежде всего людей его окружавших.

Конечно, когда он избавился от первой группы людей, знавших Ленина, работавших с Лениным, входивших в первый Совет Народных Комиссаров, когда он избавился от них, он остался в окружении людей, которых он сам подобрал, и все же он их точно также подозревал, как и остальных.

Не думаю, чтобы кто-то мог пользоваться его доверием, разве что только Молотов.

Но в конце концов и это изменилось. В самом конце, перед самой смертью, он ополчился и на него.

Я: Перед смертью он его объявил чуть ли не шпионом и собрался освободить от работы. Новое политбюро уже было без Молотова. Но он не успел, старый был.

К: В самом конце это уже напоминало настоящее сумасшествие, и люди его окружавшие знали это. Я тоже был здесь, в 1952 году. Он снова заподозрил меня и вышвырнул отсюда. Дело в том что, он чувствовал, что зреет оппозиция против него, и он заподозрил меня в связях с ней.

Я: С оппозицией?

К: Да, но это было не так. Но я знал, что были разные причины, которые породили его подозрения.

Но все это, я полагаю, сводится к одному: порок проявился очень рано. Сталин, несмотря на свои большие задатки, не был человеком, которому можно было доверить лично руководить великой страной. И это очень печально. Пытаясь избавиться от них, он проявил себя как незаурядный политический тактик. Было опасно пытаться избавиться от него. Он умел создавать ситуацию. Но в этом-то и была трагедия для России. На его месте мог бы оказаться другой человек, честный коммунист, ничего другого я не требую, но это должен был быть человек уравновешенный, с пониманием и сочувствием относящийся к другим людям.

Я думаю, у Ленина всего этого было больше, особенно когда он был у власти.

Я: Понимаете, это очень интересная трактовка Ваша. Но вот давайте посмотрим с такой еще стороны. Смотрите. Вот он был подозрителен, обвинял всех то в шпионаже, то в уклоне, то там в заговоре и так далее - до войны. Началась война. Он ведь выпустил в начале войны на волю и дал хорошие большие должности - и военным, забыв, что они шпионы, и промышленникам, нашим руководителям военной промышленности, тоже забыв, что они шпионы. Вчера же они были шпионами и посажены были за это. И вдруг они вот тот же Ванников, допустим. Тут же переехал с Лубянки в министерство и стал министром, так чего? Вооружений! Генералы, тот же Рокоссовский, Говоров что ли. Этот, главнокомандующий фронтом, этот Мерецков, потом стали маршалами. То есть он, видимо, понимал, что это не шпионы, что это ерунда, чушь, но это ему надо было. Вот это вот двуличие. В войну он себя вел достаточно прилично. Он боялся сажать. Я вот так скажу. На фронте мы говорили что хотели, обсуждали. Совершенно другая атмосфера,

никто нас не сажал, не арестовывал. Абсолютно ничего. Кончилась война, снова пленные все пошли по тюрьмам, по лагерям, началось ленинградское дело, как они, космополиты, дело врачей, и пошло снова то же самое.

/// Вот это как раз то ожидание, о котором я говорил народ думал, что это будет продолжаться так как это было во время войны, а видно было, что этого не будет. И это трагический момент, потому что народ здесь был, во-первых, страшно усталый, от всего, от войны, и нуждался как раз в облегчении, но этого облегчения не вышло.

Д.: Скажите пожалуйста. В Америке действительно сейчас всерьез поворачивается общественное мнение в сторону нашей страны, благожелательное, так сказать, общественное мнение в пользу нашей страны, в оценках того, что происходит или все-таки остаются какие-то опасения и страхи?

///: Некоторые остаются. На этот вопрос мне придется ответить по-английски, потому что он очень деликатный.

Я не думаю, что американский народ всегда ... Он никогда, собственно, и не отвращивался. Американцев были под влиянием истерии "холодной войны", чрезмерного преувеличения советской мощи, полного непонимания намерений Советского Союза. Все это было связано с "холодной войной". Когда создается такая атмосфера, начинаются и преувеличения. Я уверен, с вашей стороны тоже были преувеличения. Но в США сложилось впечатление, особенно после войны в Корее, что Советский Союз - агрессивная страна, для многих СССР даже ассоциировался с Гитлером. Они познали что-такое Гитлер. И это понятие они переносили на Советский Союз. Должен сказать, что все это затронуло большую часть нашего народа. Я думаю, сейчас все значительно исправилось, хотя многие люди еще колеблются. Это отчасти зависит от географии. Больше это присуще, мне кажется, юго-западу страны, чем Среднему Востоку или Среднему Западу. На Среднем Западе, например, на моей родине, в сердце страны, люди совершенно искренне стремятся к истинному пониманию вещей.

И я не думаю, что американское общественное мнение на сегодняшний день представляет проблему для наших отношений. По крайней мере, один из моих соотечественников здесь поправит меня, если он думает, что я не прав, и второй, конечно. Я думаю, что здесь все нормально. Есть еще определенные круги, которые глубоко привержены извращенной психологии "холодной

войны". Они еще полностью не оправились от нее, поскольку деятельность, которая зародилась в этой атмосфере, я здесь имею в виду деятельность Пентагона, разведки и т.д., для многих не только вошла в привычку, но и является средством существования. Они не знают, как жить без всего этого. Понимаете? Им трудно перестроиться. И должен сказать, поскольку у нас здесь абсолютно непринужденный и откровенный разговор, что если бы кто-нибудь в Вашингтоне спросил меня, что мы можем сделать, чтобы в кратчайшие сроки улучшить наши отношения, я бы ответил: "Да поговорите вы с русскими и прекратите все эти глупости с секретными операциями, шпионажем и т.д." Это все отвлекает, вносит путаницу, да это и не нужно. Было бы гораздо лучше, если бы мы свободно разговаривали друг с другом, обсуждали эти проблемы, вместо того, чтобы пыдыскивать людей для всяких секретных заданий.

Знаете, когда я был молодой, простите, что я это рассказываю, я два года работал в Риге, в нашем представительстве, тогда у нас не было отношений с Советским Союзом. Мы получали советские газеты и журналы и внимательно их изучали. Это был тихий город, мы никуда особенно не выходили, ни с кем не общались - у нас не было на это времени. Мы были оперативной частью правительственной программы мер, направленных против Советского Союза, главным образом экономических. И со временем мы поняли, что то, что мы читали было гораздо более ценным, чем та информация, которую правительство получало с помощью шпионажа.

Мы без смеха не могли читать донесения, которые поступали из других источников, потому что гораздо больше можно было узнать, если серьезно, и вполне легально, изучать доступную информацию, а не основываться на слухах или на разговорах с людьми и т.д. Я считаю, то продолжать подобную деятельность в настоящее время не имеет смысла, и оба правительства должны договориться о постепенном свертывании этой деятельности, так или иначе.

Это же параноя, потому что если это продолжать, у людей, занимающихся этим, создается впечатление, что мы все еще имеем дело с опасным врагом, а это ведь не так. И конечно, мы писали ... Я сам историк и много писал об отношениях между Россией с французами и немцами сто лет назад. Я здесь вижу несколько моментов, прежде всего, серьезную опасность военных планов. Я изучал 1912 год. Когда Вудро Вильсон был избран президентом, он выяснил, что в военном ведомстве (тогда у нас Пентагона еще не было, а было только военное министерство) есть управление оперативного планирования. Вильсон вызвал сотрудников этого

управления и спросил: "Чем вы занимаетесь? Какие операции вы планируете? У нас что, есть военные планы? Против кого вы планируете эти операции? Ваши планы ни против кого не направлены. Вы должны составлять их против какой-то страны." На это они ему ответили: "Мы выбираем страну наиболее вероятного противника и планируем операции, которые мы бы осуществили, если бы мы воевали с этой страной."

Теперь мне становится абсолютно ясно, как историку, если позволить военным разрабатывать планы против какой-то страны, они начинают создавать образ врага, и этот образ принимается, накапливаются тысячи и тысячи документов, и люди годами ходят по горло занятыми. "Ну что мы предпримем против этой страны? Как мы будем действовать против Советского Союза?" - говорят эти люди. Вот такая ситуация... Но всегда эта одна страна выступает в роли противника, и это было частью "холодной войны". И это меня огорчало, поскольку никогда, даже во время статьи X, ни сейчас, никогда я не верил, что Москва хочет напасть на Соединенные Штаты. Я считал, что это же касается и Западной Европы. Я пытался спорить с этими людьми, но они отказывались мыслить политическими категориями, они думали только по-военному. Я спрашивал их: "Ну почему вы думаете, что Советский Союз собирается захватить Западную Европу? Зачем это ему? Кого они поставят у власти там, в Германии? Немцы выяснили, что у них недостаточно сил для этого. Кого они поставят? Вы думаете, они хотят снова повторить историю с Восточной Европой?" Но они отказывались мыслить политически. Они отказывались рассуждать рационально. Их аргументы были такие: "Ну а как же вся эта мощь? Они, должно быть, хотят ей воспользоваться в каких-нибудь целях." И в этом вся трагедия. Вот так и закралось все это в сознание американцев во время "холодной войны". А закралось это отчасти потому, что если у вас есть большой военный аппарат, то должны быть и планы. Я это говорил год назад, примерно, меня тогда пригласили в Западную Европу, там я встречался с представителями НАТО. Мы беседовали весь вечер, засиделись до поздна, говорили на эту тему. И я сказал, что вопрос стоит так: можно ли иметь сильную армию, не называя определенную страну в качестве противника? Они никогда об этом не задумывались. А я так думаю, что можно. В Швейцарии они так и делают, у швейцарцев вполне хорошая армия, и они не считают, что это потому, что у них есть планы ведения войны против итальянцев или португальцев, или любой другой соседней страны. Я очень хочу, чтобы эту проблему изучили и использовали во всей нашей военно-политической теории. Что есть оборонительные силы в разумных пределах, без

всяких образов, которые наносят столько вреда? Есть еще одна проблема, которая является серьезным препятствием. Если у вас есть эти хитроумные планы ведения войны против кого-нибудь, война начинает казаться неизбежностью.

И как только вы принимаете неизбежность войны, вы делаете ее неизбежной, даже если она таковой никогда раньше не была. Понимаете? Потому что вы начинаете отталкиваться от ее неизбежности. И тогда то, что раньше было только возможностью, вы начинаете превращать в неизбежность.

Я все это говорю, чтобы объяснить консервативное мышление времен "холодной войны", которое существовало в Соединенных Штатах и, я не сомневаюсь, существовало здесь тоже, в определенных кругах, по крайней мере. Существовало ли оно когда-нибудь в народе - этого я не знаю. Здесь, я думаю, в меньшей степени, чем у нас, но в этом заключается опасность для международных отношений.

Я.: Вы знаете, да, у нас есть настроения такие вот, против быстрого разоружения, против демилитаризации, которая идет в стране. Это правда, но я не думаю, что это очень сильная группа, это - в определенной части, среди военных, поскольку затрагиваются их интересы, в определенной части промышленного комплекса, может быть, такого, пропагандистского аппарата, который тоже на этом, так сказать, зарабатывает деньги и живет вокруг этого, но на самом-то деле и даже они, отстаивая необходимость армий, вооружений, всерьез не верят, что может война, там, быть. Тут недавно у нас обсуждался вопрос о конверсии, и вот у меня был разговор с военными, с производителями оружия. Они там наметили, сколько сократить танковых заводов, как сократить количество танков производимых. Я спросил одного самого главного танкового конструктора: "А зачем вот эти танки? Ведь имеется в виду, вы просто механически сокращаете там в два-три раза производство танков. Но значит оставшиеся танки, которые вы будете производить имеют какое-то целевое назначение. Ну скажем, видимо вы собираетесь атаковать какую-то страну, захватить ее. Какую, скажите нам. Тогда, может быть, надо больше танков, а не так мало." "Нет," говорит, "мы ни на кого не собираемся нападать, у нас таких планов нет." "Тогда зачем вам танки?" Знаете, он не может ответить на этот вопрос. То есть, сразу я вам отвечаю на то, что Вы рассказали. Он не может ответить на этот вопрос, но инерция мышления, вот уже, приобретает свою логику за многие годы. Она уже, как бы, самовоспроизводящаяся (наверное, это надо перевести) логика, своя логика. (перевод: Self-reproducing inertia of thinking, logic in itself)

К.: Так вот, этот военный аппарат, значит - это инструмент политики, но такой инструмент, который сам, к сожалению, повелевает нам. что остается, а что им самим восполняется, понимаете?

Д.: Да, конечно. Это верно.

К.: Это как теннисный ракетка, которая владеет игроком, вместо того, чтобы игрок владеет ею.

Д.: Или как мы говорим, иногда не собака хвостом управляет, а хвост собакой.

К.: Но, конечно, мы говорим об этом сейчас как об историчном вопросе. А сегодня, когда видно, что война между большими, развитыми, значит, технически развитыми странами, что это действительно теперь, как совершенно правильно говорил неоднократно Горбачев, это просто не имеет смысла. Никто ни в при каких обстоятельствах не может выиграть от такой войны. Теперь эти вопросы, которые мы с Вами сейчас обсуждаем, о смысле военных сил, очень важные. Я, конечно, готов видеть, что большая страна, ни Ваша, ни наша, не может оставаться совершенно без военного, так сказать, аппарата, не знаю, как это ...

Д.: Потенциала?

К.: Конечно, у вас должна быть какая-то программа начальной подготовки, у вас должны быть люди, которые кое-что знают о войне, это должно продолжаться. И мы должны найти такие пути для этого, которые не разжигали бы подозрительность в людях. Подозрительность возникает там, где что-то делается в тайне. Я думаю, мы вплотную подошли к этому, по-моему, сегодня в хельсинкской группе есть предложения по средствам связи и контактам между генеральными штабами. Может быть, они помогут преодолеть все это. И это очень важно. Мы должны научиться, ваша страна, наша страна, другие великие державы, как поддерживать умеренный и разумный военный потенциал, особенно возможности по призыву и подготовке людей а военное время, потому что ведь никогда не знаешь ... Посмотрите сегодня на Ближний Восток, точнее Средний Восток - ситуация там накалена дальше некуда. Нельзя заранее предвидеть, когда эта ситуация затронет военные интересы той или иной страны.

В свете нынешней ситуации великим державам, как ваша и

наша, очень важно поддерживать тесную и доверительную связь, чтобы у между нами не возникало никаких недопониманий, насчет наших намерений. Могут возникнуть и другие подобные ситуации, которые могут затронуть и ваши и наши военные интересы. Надеюсь, этого не произойдет. Но исключать такой вероятности нельзя. Да и вообще, было бы нежелательно, как мне кажется, в принципе, оставлять великую державу без военного потенциала, потому что народ этого не поймет. Ему необходимо определенное чувство безопасности, но мы должны быть начеку, чтобы не допустить возникновения нездоровой подозрительности, нездорового отношения, как это произошло во время "холодной войны".

Мне кажется, что это чисто наша проблема.

Д.: Но это может быть, но это временно, я думаю. В конце концов психология людская как-то отойдет от всех этих милитаристских путей мышления.

К.: Я надеюсь, мне кажется, что на Западе, в Европе, это довольно далеко уже зашло.

Д.: Да-да.

К.: Я был позавчера в Берлине, в тот знаменитый день был в Берлине и несколько часов провел в толпе, и я не очень беспокоюсь на этот счет, что касается немцев. И что касается молодого поколения вообще, они имеют другие слабости, но вот милитаристского мышления не существует.

Д.: Да-да.

К.: У нас сейчас тоже очень сильны тенденции переориентировать политику в сторону защиты окружающей среды, уважать человечество, понять, что человеческо - это венец и задуматься о том, что оно делает с планетой. Здесь вам тоже нужно кое-что изменить, но к счастью, многие молодые люди, смотрят на это так же. Я знаю, в Европе они так и поступают. Я летом отдыхаю в Норвегии и, знаете, мне кажется, что молодые норвежцы просто не понимают, как это можно на кого-то напасть, это просто невозможно для них. Но они очень хотят повернуть политику в сторону защиты окружающей среды, и это позволяет надеяться на будущее. Это нужно всячески поощрять, потому что это верный путь. Боюсь, что ученые правы, когда предупреждают, что если мы и дальше будем так относиться к природе, то вряд ли просуществуем еще сто лет. Это серьезно.

правительство не заботится о войсках, что не отстаивает достаточно интересы, пусть, дескать, отчитается, что за политику ведет и т.д. Так что, настроения еще остаются такими, очень жесткими, хотя не в народе. Опять же, в определенном слое заинтересованных людей. Но это пройдет, и это быстро пройдет.

К.: Я надеюсь. И тогда останутся другие большие проблемы.

Д.: Да.

К.: Большие у вас проблемы, проблемы будущего России и связи между будущим и прошлым в вашей стране, потому что это будут вопросы прежних столетий, пятнадцатого особенно, начало этого, все эти вопросы встанут сейчас. Они вновь возникают, эти проблемы, по мере того, как предоставляется возможность взглянуть на советскую историю в ее полном объеме, и при этом воспользоваться помощью советского народа. Но я вижу, и я об этом ✓ написал статью, которая будет напечатана в следующем месяце в журнале "Форин Афферс", и эта статья, как бы, идет в дополнение к статье X (статья X была написана в начале "холодной войны", а эта статья, как было задумано, будет опубликована в конце "холодной войны"), я вижу, глядя на весь период коммунистической власти здесь, что в известном смысле, все, что нужно сделать - это вернуться к 1917 году. Потому что, конечно, сейчас уже другое поколение, это другие люди, и проблемы не совсем те же самые. Они изменились вместе с развитием техники, вместе с переменами во внешнем мире и переменами в России. Но несмотря на это, с некоторыми из проблем, которые стояли в 1917 году, придется вновь решать, поскольку их нельзя было решать ни во времена Сталина, ни при Брежневе. И это меня очень интересует. Я не думаю, что подходы к решению проблем 1917 года могут быть точно такими-же как и тогда, но все равно, на этих проблемах можно чему-то научиться. И это меня больше всего интересует как историка. Я думаю, стоит изучить столыпинские реформы, но для того, чтобы добросовестно их воспроизвести, потому что времена сейчас другие, а для того, чтобы что-то в них почерпнуть. И, наверное, кое-что полезное об установления парламентских форм правления можно узнать, изучив опыт последних лет царского режима.

Д.: Вы знаете, сложности наши в настоящее время очень серьезные.

К.: Я понимаю.

Д.: Очень глубокие. Вы знаете, если их анализировать, то не всегда даже знаешь, чему отдать предпочтение, о причине этих сложностей, то ли экономике, то ли политике, то ли истории, то ли психологии, то ли отвержению недавнего прошлого, ибо все это так перемешано, психология повлияла на политику, политика - на психологию, но меня больше всего волнует вопрос, что народ наш сейчас вот попал тоже в трагедийную полосу развития.

Почему. Понимаете, даже на протяжении этого столетия ... Революция 1905 года, революция Февральская, революция Октябрьская, гражданская война, коллективизация, индустриализация, 37-ой год со всеми примыкающими к этому году десятилетиями, война, послевоенная ..., глоток какой-то необычной свободы для нашего человека во время Хрущева, потом - кризис развития. Почему? Да потому, что уже начало расти впечатление, что так дальше жить нельзя, а как нужно жить, никто не знал.

В.: Я смеюсь, потому что точно вот Вы сейчас сказали. Это все написано в этой статье, которую я уже написал, начиная с революции 1905 года, рассказывая о всех тех бедах, которые испытывал и нес на своей спине советский народ.

Д.: И почему я говорю о трагедийной полосе? Потому, что ему нужно пережить шок, и ему надо понять, когда его обманывали, а когда он вел праведную борьбу, искреннюю, честную, когда он заблуждался, а когда у него были какие-то, так сказать, прозрения на будущее, мечты и все такое. И все это вот сейчас сжалось во времени, вот сейчас. Вот отсюда все эти страсти, и националистические, сепаратистские, споры по экономическим вопросам (то ли оставить старую модель, то ли новую какую-то модель, если новую, то какую).

В.: Вот это главный вопрос: если новую, то откуда.

Д.: Какая она должна быть? Нельзя трансплантацию сделать, прямо вот взять американскую, или шведскую, или германскую, прямо вот так на нашу почву. Нельзя. А потом, на какую почву? На русскую или на туркменскую, или на таджикскую, или на узбекскую, или на сибирскую? Вы же знаете, все разное у нас: разные стартовые условия, разные условия развития, разная психология, разная религия, разный культурный уровень. Ведь прививки делаются от какой-то болезни конкретной, а нельзя просто так. А мы этих прививок порой не знаем, у нас их просто

нет. Кроме того, кризис зашел настолько далеко, что была потеряна материальная база. Ведь совершенно другой разговор бы сейчас шел, на другом бы уровне. Представьте себе, допустим, если бы у нас на полках в магазинах все было в порядке, люди бы не нуждались во что одеться, у людей были квартиры, где жить, а вот человек наш при этом историческом повороте, действительно историческом, к свободе, демократии, к достоинству, к здравому смыслу, он пришел без квартир, не очень-то хорошо, так сказать, ему с точки зрения питания, ему надо в очередях стоять, транспорт плохой, другие жизненные неудобства, экологическая обстановка тяжелая: что ни город - то там дым и срам. В сельском хозяйстве в тупик зашли с этой системой. Человек, сам по себе, разучился работать, он скорее хочет получить. Откуда у нас вот этот шум о привилегиях? Я думаю, у кого-то были какие-то привилегии, но шуму больше, чем привилегий. Почему? От этого - психология распределительства: пусть будем все нищие, но равны. И как только у кого-то появится на тысячу рублей больше, это уже другой, это - американец ...

К.: Это преодолеть придется, это да.

Д.: Но тяжело. Вы знаете, до чего тяжело. Вот эта иждивенческая психология, она въелась, Вы знаете, очень крепко в поры человека и общества всего. И здесь мы натываемся на многие противоречия. Конечно, делаем ошибки, делаем, мы сами знаем ...

К.: Неизбежно ...

Д.: Да, делаем ошибки, и иногда грубые, особенно в финансовой сфере. Мы распустили деньги под нажимом ... Вот нечем зарплату платить, и эмиссия там, два-три миллиарда, а это все неотоваренные, товаров под эти деньги нет. Ну и вот, деньги есть в стране у людей, а купить нечего. Как эти деньги взять, мы не знаем еще пока. Но сейчас, вот, первый указ Президента сегодня напечатан, о первоочередных мерах по оптовой торговле. Мы думаем, что ... Договорные цены будут в оптовой торговле, все, никаких установленных цен. Другие будут, об иностранных инвестициях будет указ, о свободе предпринимательства будет указ Президента, и закон, об антиинфляционных мерах, будет антимонопольный закон, потому что таких монополий, как у нас, я думаю, американцам нас в этом отношении не догнать. У нас есть предприятия, которые диктуют вообще и цены и все, потому

Это я не жалуясь, а просто рассказываю так, как оно есть, с какими трудностями нам приходится встречаться. И в этих условиях, конечно, мы сейчас должны в большей степени, чем после XX съезда, нуждаемся в какой-то поддержке и в понимании того, что у нас происходит. Почему я Вам задал этот вопрос относительно общественного мнения в США? Я его задал, потому что чувствую, что на Западе есть какая-то неуверенность, то ли помогать, то ли не помогать, то ли все тут пойдет у нас нормально, то ли неудачи последуют.

//: Да, помогать. Это можно иностранной державе, но в очень ограниченном масштабе здесь. Проблема у вас системная, значит, мы поправить это не можем.

Кризис сельского хозяйства, но это надо думать поправится, так или иначе. Но долговременный кризис у вас глубже, мне кажется, и это трудности нуждается, во-первых, мне так кажется, вы меня поправите, если я ошибаюсь. Последствия всех этих действий и последующих всех действий очень тяжелые, потому что разрушилась до известной степени (high degree), разрушилась семейная структура у вас. Значит, страшные были потери здесь мужского населения во время войны. Кроме того, ваша бюрократия, армия (sucked in, how would you say) отбирают большую часть мужского, молодого населения. В деревне, насколько мы можем видеть, там очень отсутствует мужская молодежь. Женщины должны нести колоссальное бремя по воспитание детей без отцов, часто. И все это - это глубокие повреждения всего населения. Потому что по моему личному убеждению.

Это я должен сказать по-английски. Реальное ощущение личной безопасности должно исходить из семьи. Его нельзя искусственно создать организационными мерами. Каждый должен ценить значение семьи, сохранять ее моральный климат. Именно в семье человека обучают, а людей нужно учить проявлять инициативу, брать на себя ответственность за свои действия, не только за действия в обществе, но и за личное поведение.

Всему этому был нанесен значительный ущерб в течение десятилетий вашей таригической истории. Речь идет не только о переменах в политической власти, но и об ужасах Второй мировой войны, которые пережили ваши люди и которые практически не имеют аналогов в человеческой истории.

Все эти глубокие сдвиги, произведенные в советском обществе, необходимо нивелировать и вырастить новое поколение в более нормальных условиях, в более нормальных дружеских условиях, чтобы у них были семьи, настоящие семьи, отцы, матери, любовь. Я смотрю

на эти проблемы со стороны и понимаю, что это действительно огромные, сложные проблемы. Как это будет происходить?

Чем-то, защитой семьи, пожалуй, должна заниматься церковь, не только христианская, но и другие церкви. Не только протестанты, но и все другие, включая и религиозные секты. Прежде всего церковь должна научить людей тому, как относиться друг к другу, научить их самоуважению. Все надо начинать с самого начала, с нуля, потому что слишком велик ущерб, нанесенный событиями, о которых вы рассказывали - войной с Японией, Второй мировой войной, несколькими революциями. Решать эти проблемы будет много труднее, чем в нормальных условиях и с нормальным народом.

Знаете, если бы меня спросили, что я считаю наиболее серьезным ущербом, нанесенным режимом Сталина и частично Брежнева вашему народу, я бы ответил, что ущерб заключался не в том, что они непосредственно сделали людям, а в том, во что они превратили людей, в том, что они лишили их способности видеть реальные проблемы будущего.

Понимаете, семьдесят лет подавления любой личной инициативы, любого проявления личности, вы понимаете...

Я: Да, конечно.

К: Это было чрезвычайно опасно для общественной атмосферы, и я понимаю, как трудно вам сейчас все это исправлять...

Вы среди прочего упомянули скептицизм людей, циничность. Они считают, что от партий и правительства ничего хорошего ждать не приходится. Это ужасно, но я не знаю, как решить эту проблему, не знаю, как восстановить доверие.

Возможности церкви ограничены. Мне кажется, что и возможности партии тоже ограничены. Но условия необходимо исправлять. На это потребуется много времени, не думаю, что это можно сделать быстро. Быть может, потребуется целое поколение.

Я: Да, вы правы.

К: И будет трудно... Я лично уверен, что это может и будет сделано. Мне кажется в русском народе, я не говорю о других, потому что не знаю ничего о киргизах, но в русском народе имеются огромные резервы не только врожденной интеллигентности, но и чувства морали, которое порождается только здесь, если найден правильный подход к народу.

Понимаете, я искренний поклонник Антона Чехова. Его пра-прадед был рабом, и все же в его поколении не было человека, который лучше него разбирался бы в вопросах морали. Он разбирался в них лучше Толстого, лучше Достоевского именно потому, что смотрел на мир более реалистично...

Я: О, да, я согласен с вами.

К: Мне кажется, что это лишь небольшая часть, одна сторона, а возможности русского народа вырваться из печального прошлого огромны. Это впечатляет. Я имею в виду скорее моральную сторону вопроса, нежели какие-то усилия. Я надеюсь это поможет, это произойдет в вашей стране.

Я разобрался в вашей проблеме, но должен признать, что не достаточно хорошо представляю себе, как к ней подступиться. Это в значительной степени будет зависеть от учителей. И учителя очень часто понимают это. В России хорошие учителя. Они меня очень тронули. Одна из моих дочерей училась здесь в школе во время войны, в обычной русской школе для девочек - в 181 женской школе - здесь в Москве. Учителя этой школы произвели на меня очень большое впечатление. Эти люди были одержимы, они были преданы делу значительно больше, чем учителя в нашей стране. Они относились к своей профессии как к святой профессии, как к церкви. И, быть может, они помогут, они готовы сделать это. Но им нужна помощь властей, партии и других. Конечно, путь предстоит долгий, это лишь одна из задач, которые нужно решить, но есть еще множество других задач, которые также необходимо решить, чтобы произвести перестройку экономики.

Мне представляется, что перестройка сельского хозяйства, самая сложная задача, поскольку нет образца, к которому можно было бы возвратиться.

Единственное, что приходит в голову в этой связи, это столыпинские реформы, которые в целом были положительны. Мне кажется важным признать, что сельское хозяйство отличается от других сфер жизни и что можно добиться больших успехов с помощью мелких семейных ферм, когда фермер несет всю ответственность за свой труд.

В сельском хозяйстве не должно быть администрирования. У меня у самого есть ферма в Соединенных Штатах. Там у нас работает фермер. Пришел он много лет назад молодым парнем, сейчас ему, уже лет 45 - 50. На этой ферме он отвечает за все. Он хороший фермер, знает дело и ко всему относится внимательно. Много работает. Если ночью корова заболит, он встанет, вызовет ветеринара. Он заинтересован. Мне кажется, что эта форма ведения хозяйства лучшая, быть может, не для зерноводческих хозяйств. Там другое дело. Когда обрабатывается несколько тысяч акров в одном месте, это больше, чем у вас в совхозах. Но, понимаете, в России очень мало такого опыта, особенно в Центральной России. Везде, где существовало рабство, вам досталось тяжкое наследство, потому что рабство тоже лишало людей уверенности в себе, лишало их инициативы. А там, где рабства вне было, как, например, в тех

местах, откуда родом Горбачев, отношения человека с землей были более здоровыми, как мне кажется. То же и в Сибири, где также не было рабства. Но это, мне кажется, очень большая проблема и очень трудная.

Д.: → Да. И здесь есть сопротивление очень большое, вот например, вновь созданный Крестьянский союз. Он категорически сопротивляется каким-либо заявлениям в секторе аграрном, отстаивая фактически, фактическую по двум формам - колхозную и совхозную. Все делает для того, чтобы не было фермеров, не было арендаторов и так далее и так далее. Хотя крах очевидный, вот этой системы, которая сложилась, она не может прокормить людей, она теряет произведенное, инертна к произведенному, не заинтересована в том, что вырастет и так далее, и так далее. Нет интереса в этой вот, в данной системе, нет интереса. Но мы все-таки проведем земельную реформу. Проведем. И все-таки добьемся на практике равноправия всех форм собственности. Мы не будем проводить, как тогда вот эту глобальную коллективизацию, такую глобальную деколлективизацию. Хватит вот таких массовых, так сказать ... Там, где колхоз работает хорошо, пусть работает. Совхоз работает хорошо, пусть работает. Но там, где есть свободные земли, где колхоз не может обработать площадь, которую имеет, пусть работают арендаторы, пусть работают фермеры, пусть работают какие-то группы людей. Да пусть на здоровье работают на интересе, но сопротивление этому большое. И не только со стороны председателей колхозов, которые в общем-то превратились у нас в маленьких помещиков, но и рядовых людей. У меня вот тут три дня назад был председатель колхоза из Тульской области. Вот такой Казаченко. И рассказывает. У него хороший колхоз, 400 человек трудоспособных людей. Большой колхоз. Хорошие доходы, и тем не менее, он, будучи человеком прогрессивным, а он кандидат экономических наук, грамотный человек. Он решил выделить, нашел троих людей с сельскохозяйственным образованием, с высшим, и выделил им по 60 гектаров. И вот, говорит, работайте как арендаторы. Дал им кредит, купили они по трактору, начали работать, но работать уже не так, как в колхозе, а более интенсивно начали работать. Так вот, в одну ночь два трактора были сломаны.

К.: Другими?

Д.: Да, другими. ↩

Почему? А что же, они завтра мироедами будут? Кулаками?

вот нужны какие-то другие идеалы социализма. Какие? Никто не может сказать. Вот, была у нас в свое время веры, энтузиазм. Ну, а что это, вера во что? Хорошо, а почему нельзя верить в свободу человека, в его творческое начало? Вот насколько запутаны мы, я бы сказал массово-склеротическим явлением, которым поражено общественное мнение. Оно неспособно воспринять быстро идеи, которые перестройка предлагает. Понимаете, вступить в нормальный цивилизационный перелом в жизни. Прекратить это, мессианское, так сказать, наваждение, я бы сказал. Мы предлагаем нечто такое, ... Кстати, всем надо это решать, не только нам. Я думаю и Соединенным Штатам Америки надо освободиться от чувства мессии. Так вот нам надо от этого освободиться, потому что вы хорошо знаете вот эта теория Октябрьской революции, перманентной революции, она, конечно, нанесла огромный вред моей стране, да и не только моей стране. Вот это неестественное насаждение, так сказать... Естественным путем, пожалуйста, пусть каждый верит в то, во что хочет верить, способен верить, бороться за это. Но вот это насильственное насаждение, желание насадить кому-то какой-то строй, это безнадежное дело. Так, как получилось в Восточной Европе. Сколько лет? Сорок пять? Сорок пять лет.

В.: Да, сорок пять лет. Очень важно это, потому что у нас многие этого тоже не понимают, что не существует чистая свобода без ответственности. Просто я не помню, кто это был, кто сказал: *That freedom can be defined only in terms of the restraints we take.*

Это нужно и у вас и у нас. Потому что очень многие у нас этого не понимают. Это очень важно и это, конечно, займет много времени. Эту проблему нельзя решить в один год или в одно десятилетие. По-моему, это нужно начинать в школьном возрасте. Нужно ангажировать ответственность, семью, родителей, чтобы все это сделать. Вы мне дали достаточно для моих мыслей на несколько месяцев. Пожалуй, я думаю, что я довольно хорошо вижу и понимаю ваши проблемы, они нелегкие. И очень важно, чтобы у нас в Америке тоже это поняли. Понять всю глубину этой проблематики. И я постараюсь сделать все, что могу, чтобы способствовать этому изменению. И вам всего хорошего я желаю.

В.: Скажите пожалуйста, вы лично верите в наш нынешний эксперимент?

В.: Я считаю, что они в идейном смысле совершенно правильные. Но что глубина проблем, реализации этих мыслей, пожалуй, это больше и лучше, чем я сам соображу и больше, чем вы сами сообразите.

Д.: Совершенно верно.

К.: И что это займет все-таки больше времени. И это очень трудно выиграть это время. Но, может быть, это главный вопрос.

Д.: Вы правы.

К.: Я думаю, что в кратковременные рамки нужно, конечно, поправить это экономическое положение. Это очень важно. С того нужно начать.

Д.: Надо успокоить людей труда, настроение людей, привести его в нормальное состояние, вывести его из полосы злости, ожесточения, нетерпимости, перенести в более спокойное русло. Трезвые оценки, понимание, так сказать. А с другой стороны, надо вывести людей из состояния эйфории, скажем, националистической, сепаратистской, вот это вот, суверенитета, все сейчас говорят о суверенитете, мало понимая, что это такое, суверенитет, так сказать, значит, и к чему он приведет фактически. Все это должно быть просчитано, все должно быть реалистически оценено, как машины сейчас надо, чтоб просчитывали, а мы пока еще считаем на эмоциях, на компьютере эмоций. Вот, что у нас сейчас работает. А нам нужен компьютер цифр, расчетов, жестких, трезвых расчетов. Этого пока нам не хватает. И умения не хватает. И все-таки я думаю, что если ответить на вашу реплику в отношении Соединенных Штатов Америки, я думаю, было бы значительно лучше, если бы мы глубже начали и скорее понимать друг друга и относиться с доверием. Сейчас уже ясно, что никто не хочет никого обмануть, никто не хочет как-то схитрить, капканы расставить какие-то, как мы недавно думали, что мы только и думаем, как друг другу навредить. Нам бы перейти на этот известный врачебный принцип: "Не навреди". Лечи, но не навреди. По-моему этот принцип "не навреди", а если можно, то и помочь, я думаю, это было бы великое дело. Не только реально оценивать ситуацию. Есть две страны, пока, их будет больше, таких стран в 21 веке. На подступах Западная Германия, Япония, Бразилия, Австралия, Канада, Индонезия. Много стран, которые будут на пятки нам всем наступать, но пока что двумя гарантами мира и стабилизации на этом маленьком шарике являются, конечно, США и Советский Союз. Так история распорядилась, тут уж ничего не сделаешь.

К.: Если можно спросить. Для советских, которые к нам приезжают, эти обмены и контакты полезны?

Д.: Очень полезные. Я думаю очень полезные. Чрезвычайно полезны, я думаю, эти обмены. Но я тут два дня назад разговаривал с молодыми парламентариями. Они настаивают на этих обменах, но обменах молодежи. Они тоже понимают, что чтобы перешагнуть в новую эпоху, эпоху жизни и мышления, надо начинать с молодежи. И вот они ко мне пришли и говорят: Вот из Ленинграда поехала группа в США, все старше 45. ←

А они говорят, что надо посылать до 30 лет.

В.: Да, но следует помнить, что в нашей стране у нас тоже есть серьезные проблемы. И не все благополучно в нашей стране. У нас есть серьезные проблемы даже с вами, с молодыми людьми. Образовательный уровень падает. Им не следует думать, что в своем поведении они должны брать пример со всех молодых американцев.

Когда они приезжают в нашу страну, они должны помнить, что у этой страны есть свои проблемы, отличные от ваших, но очень серьезные проблемы. Они гораздо более серьезны, чем многие думают, более серьезны, чем ваши. У нас огромные проблемы нищеты в городах, наркотиков, снижающегося образовательного уровня, нашей финансовой дезорганизации. Вот такие проблемы, которые на сей раз наше правительство не в состоянии решить. И по многим вопросам у нас наблюдается спад активности. Так что, если когда-нибудь эти молодые люди поедут туда, они не должны полагать, что они просто-напросто должны подражать молодым американцам. Их надо научить смотреть на них критически и решить, что позаимствовать, а что и отвергнуть из нашей цивилизации. Может быть, когда-нибудь и они смогут нам помочь.

Д.: Это вы очень правильно заметили. Недавно я смотрел телевизионную передачу, у нас здесь. Вернулись наши ребята, студенты, которые работали в Соединенных Штатах Америки воспитателями детей. В одном случае детей с физическими недостатками, в другом случае с нормальными детьми. И вот эти ребята - они приехали с уважением к Америке, с новыми знаниями, так сказать, но каких-то отрицательных эмоций у них это не вызвало. Но. Они прямо сказали: Мы поехали с одним настроением, а приехали с другим. Мы узнали, что в США есть свои проблемы. Это не наши проблемы, но это проблемы, серьезные проблемы. Если кто-то из вас хочет поехать в Америку, то он должен думать не о туризме, а он должен думать о работе. Он должен работать. Мы работали по 18 часов в сутки с детишками. По 18 часов в сутки.

↑ ↑
Никто ведь вам деньги просто за красивые глаза не даст. Их надо заработать. Это не то, что у нас в стране - раздадут деньги, потому что пришел на работу только. Там, говорит, надо эти деньги заработать. В общем я так поразился. Это не подготовленное. Они говорили то, что думали, свои впечатления рассказывали, карты различные, истории. В целом они привезли очень положительное впечатление о контактах с такой же молодежью. Но интересна, такая, знаете, трезвая, реалистическая оценка.

↑ ↑
Я думаю, основа нашей будущей полосы сотрудничества, которое должно перейти на новый уровень, оно должно быть основано не на преклонении друг перед другом, не на уничтожении друг друга, а на трезвой, реальной основе, которая, по-моему, только и рождает взаимное уважение.

К.: Это верно. И вот за этим условием. Я тоже одобряю эти путешествия советской молодежи. Но их нужно немножко приготовить перед тем, как они едут и наших тоже, чего ожидать и как смотреть немножко глубже, чем поверхностно. Это тоже нам нужно. Тогда это может быть полезно. Очень много зависит от тех, кто их сопровождает и у нас и у вас. Если это рутинный ... И очень важно, чтобы признали слабости нашей цивилизации.

Д.: Думать вместе, что с этой цивилизацией делать...

К.: → Я всегда говорил нашим по поводу иностранных студентов: "Не показывайте вы им то, что вы считаете светлой стороной американской жизни, отвезите их лучше в городские гетто, покажите им наши недостатки, но и покажите им, как трудно исправить это положение." А попытки исправить это положение уже предпринимаются. Вот тогда-то у них сформируется лучшее мнение. Тоже можно сказать и о Советском Союзе, даже в советское время. Американцы приезжали и слушали двусмысленные разъяснения интуристовских гидов, которые твердили им, что "все здесь прекрасно". Возвращались туристы с чувством подозрительности и с отрицательными впечатлениями. Те же из них, кому удавалось избежать этого и увидеть подлинные проблемы советского народа в истинном свете, как бы изнутри, возвращались с чувством глубокой симпатии, с интересом ...

Я очень рад, что мне предоставилась возможность поговорить вот так сегодня утром, хотя мы и говорили о грустных вещах. Я хочу поблагодарить Вас за Ваше терпение и пожелать Вам всего самого наилучшего. Надеюсь, что это все как-то можно будет изложить в письменном виде так, чтобы мы

могли ознакомиться с обоими протоколами, русским и американским. По-русски я читаю свободно, и может, мои познания мне еще пригодятся.

Д.: Спасибо большое. Я очень рад, что вы нашли время приехать сюда к нам.

М.: Если вы когда-нибудь опять приедете к нам в Северную Америку, я знаю, что вы долго были в Канаде, и если я еще просуществую.

Д.: Я обязательно вам дам знать, и я уверен, что вы еще проживете.

М.: Не обещаю, мне столько лет, но я буду очень рад вас видеть.

Д.: Сегодня, если я приду в гостиницу в 7 часов, мы смогли бы пообедать?

М.: Очень хорошо.

Д.: Как мы называем, поужинать. Прямо у вас в гостинице на третьем этаже "Жостовский зал" такой есть. Спасибо большое.